

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

EX ORIENTE LUX

*

ХАМИД
АД-ДИН
АЛЬ-КИРМАНИ

راحة العقل

للداعية احمد حميد
الدين الكرمانى

دار الاندلس

بيروت
١٩٨٣

ХАМИД
АД-ДИН
АЛЬ-КИРМАНИ

УСПОКОЕНИЕ
РАЗУМА

ПРЕДИСЛОВИЕ,
ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО
И КОММЕНТАРИИ
А.В.СМИРНОВА

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА
1995

ФОРМУЛА СОВЕРШЕНСТВА: ЗАВЕРШЕННОСТЬ КРУГА

Оформление
Д. Б. Шимилис

Работа выполнена в Центре восточной философии ИФ РАН
при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований

К 4703000000-034 Без объявления
593(03)-95

ISBN 5-86218-114-8

- © А. В. Смирнов. Статья,
перевод, комментарии,
1995.
- © Д. Б. Шимилис.
Оформление, 1995.
- © Научно-издательский
центр «Ладомир», 1995.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается

Перед читателем — книга, которая еще сто лет назад была доступна лишь узкому кругу избранных и посвященных. К многочисленным открытиям нашего века мы можем по праву отнести и открытие миром исмаилитской философии. Долгие столетия окруженная ореолом тайны, породившей немало фантастических и не всегда дружелюбных легенд, эта едва ли не самая загадочная из исламских шиитских сект лишь в последние десятилетия позволила опубликовать сочинения столпов своей теоретической мысли.

«Успокоение разума» по праву признается наиболее полным и интересным из них с философской точки зрения, а его автору Хамид ад-Дину аль-Кирмани современные исследователи не случайно присвоили почетный титул «шейх исмаилитских философов». Оригинальные решения старых проблем и тонкое следование традициям аристотелизма и неоплатонизма, пафос полемики с оппонентами и уверенная схоластичность изложения учения, вкуче с энциклопедичностью охвата (хотя и разной степени глубины) корпуса современных автору знаний, создают особый колорит этой книги. Понимание универсального совершенства как завершенности всех возможных уровней иерархической структуры бытия было характерно для мыслителей арабского (и не только арабского) средневековья. Осуществление всех взаимоподчиненных циклов развития, образующих вкуче один мировой цикл, — особая исмаилитская формула достижения вечного совершенства. Цикличность развития не означает здесь «возвращения на круги своя», и старая идея совершенства круга получает особое прочтение, наделяющее цикл иерархичностью абсолютного прогресса.

* * *

Различение внешнего и внутреннего, явного и скрытого, столь характерное для средневекового сознания, как нельзя лучше под-

ходит и для описания истории исмаилитов. Внешняя канва событий, очерчивающая траекторию их эволюции, давно и хорошо известна; внутренние, в том числе и идейные, пружины их деятельности долгое время оставались в тени.

Возникновение и оформление исмаилитов (как и многих других шиитских группировок) в качестве особой «группы» (*фирка*, или *та'ифа*) было связано с вопросом о наследовании власти. Эпоним исмаилитов — старший сын имама Джафара ас-Садыка (умер в 765/766 году) Исмаил бен Джафар, к которому должен был по праву его первородства перейти пост имама. Однако Исмаил умер еще при жизни своего отца. В связи с этим, считают исмаилиты, пост имама должен был быть передан его сыну Мухаммеду. При этом они основываются на шиитской традиции прямого наследования имамата от отца к сыну, исключаяющей переход данного поста к брату¹. С этим, однако, оказалось несогласно большинство шиитов, признавших законность перехода поста имама к младшему брату Исмаила — Мусе аль-Казыму², поскольку, как они утверждают, сам Исмаил отличался неблагоприятным поведением и смерть его лишь принесла облегчение отцу. Группа шиитов, сохранивших верность Исмаилу и не признавших имамом его младшего брата, стала именоваться исмаилитами. Начиная от сына Исмаила — Мухаммеда, они ведут отсчет ветви «скрытых имамов», во имя восстановления реальной власти которых и разворачивалась их борьба.

С самого начала проникнутая пафосом «восстановления поправленной справедливости», эта борьба на протяжении веков принесла ряд впечатляющих побед. Трижды — в Йемене, Магрибе и Египте — исмаилитам удавалось организовать и утвердить собственное государство. Правление династии Фатимидов в Египте (X—XII века) было наиболее долгим и ярким периодом политического и духовного триумфа исмаилитов, и это время составляет одну из ярчайших страниц культурного расцвета Египта мусуль-

¹ Эта концепция возводится исмаилитами к кораническому аяту «И он оставил это как слово нерушимое в потомстве своем» (43:28), где речь идет об Аврааме; «слово», оставленное им, истолковывается как имамат.

² Приверженцы этой линии насчитывают (начиная от Али) 12 имамов, последний из которых, Мухаммед бен аль-Хасан аль-Аскар, исчез при таинственных обстоятельствах в 873/874 г. Шииты, признающие эту линию имамата, называются «двунадесятниками» (*исна'ашарийя* — по числу имамов до «скрывшегося») или «мусавитами» (по имени Мусы аль-Казыма). Двунадесятники верят, что последний, «скрывшийся» имам («ожидаемый махди») вернется в мир незадолго до Дня Воскресения в полном блеске своей мощи, чтобы победить зло, покарать врагов своих приверженцев и восстановить справедливость.

манской эпохи. «Дом мудрости», основанный имамом аль-Хакимом в 1005 году и обычно упоминаемый историками в качестве символа эпохи, славился богатейшей библиотекой, а многочисленными архитектурными памятниками фатимидского периода до сих пор любуются туристы в Каире.

Впрочем, далеко не всегда судьба была столь благосклонна к исмаилитам. Относительно редкие моменты побед чередовались с гораздо более продолжительными периодами, когда им приходилось скрываться от суровых преследований властей и в глубокой тайне кропотливо готовить очередные выступления. Когда соотношение сил менялось и исмаилиты из властителей превращались в преследуемых, их награждали самыми уничтожающими ярлыками, начиная от «ассасинов» и кончая «еретиками» и «безбожниками». Нетрудно представить себе, что означали подобные обвинения в средневековом обществе, пусть даже веротерпимом, — право «чужого» на исповедание иной религии признавать всегда легче, чем право «своего» на особое толкование принципов собственной. Поэтому исмаилиты широко применяли принцип сокрытия своих взглядов (*такийя*), и даже ближайшее окружение того или иного члена общины могло не догадываться об истинном положении дел. Наверное, история знает не так уж много примеров, когда в столь неблагоприятных условиях широкое политическое и идейное течение сохранило бы свою идентичность, свою роль и значение на протяжении более чем десяти веков, ведь и в наши дни исмаилиты пользуются влиянием, далеко выходящим за рамки того, что принято называть «исламским миром».

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что яркая нить внешней истории исмаилитов, в которой, признаем это, даже периоды неудач самой своей длительностью свидетельствуют о жизнестойкости этого течения, не могла бы быть соткана на протяжении веков, если бы не ее внутренняя, тщательно укрытая от посторонних глаз основа — система тайной исмаилитской «пропаганды»¹. Созданная, как утверждают исмаилитские источники, самим Исмаилом (даже если это преувеличение, его сын уже, во всяком случае, обладал широкой тайной сетью доверенных лиц), ее организационная структура отличалась четкой иерархично-

¹ По-арабски — *да'ва*, букв.: «призыв». Производное от этого слова — *да'иш*, букв.: «призыватель», — проповедник, несущий людям религиозную весть. Это общеисламский, а не собственно исмаилитский термин. «Призывателем» к Богу назван в Коране Мухаммед (33:46; см. также 20:108, 46:31—32). Словом «призыв» (*да'ва*) обозначали свою деятельность многие выдающиеся авторитеты ислама.

стью, жесткой дисциплиной и детально продуманной конспиративностью. С течением веков она претерпевала определенные изменения, а в наше время исчезла вовсе, уступив место обычной структуре социально-экономического управления общиной. Однако в средние века эта мощная организация выполняла прежде всего религиозно-идеологическую и политическую функции. В источниках можно обнаружить описание разных вариантов структуры исмаилитской пропаганды, что объясняется, по-видимому, реальными различиями, возникшими в ходе исторической эволюции, а также «подгонкой» под конкретную систему символических соответствий (числовых, астрологических и т. п.), которую избирал автор. Один из таких вариантов приводит, в частности, и Хамид ад-Дин аль-Кирмани в гл. IV, п. 6 «Успокоения разума».

При всех отличиях, однако, можно выделить следующие неизменные принципы. Символическим главой иерархии проповедников считается «глаголящий» (*nāṭyq*) — пророк, наделенный «глаголом», неотъемлемым признаком разумности, изрекший божественную весть и принесший свой Закон. Обычно одновременно с ним и при нем разворачивается деятельность «заветника» (*waṣyīy*; этот ранг именуется также *'aṣīc* — «основа», «исток») — человека, призванного осуществить заветы глаголящего и стать истоком и основой распространения его вести. В каждый исторический период, считают исмаилиты, начало их «призыву» кладут соответствующие «глаголящий» и «исток».

Эти два ранга, как явствует из самой их сути, бывают заняты не постоянно, а только в отдельные периоды, поэтому в некоторых иерархических схемах они могут не упоминаться. Реально высшим в постоянно действующей иерархии оказывается следующий ранг — *имам*. Это полноправный глава и распорядитель исмаилитской общины, решения которого по всем вопросам выполняются беспрекословно. Он являет собой тот центр жизни общины, к которому ведут «врата» (*bāb*) — ранг, занимаемый непосредственными приближенными имама, облеченными значительной властью. Далее следует ранг *худджи* (букв.: «аргумент», «доказательство») — интеллектуального авторитета в вопросах исмаилитского учения.

За этими высшими рангами, которые в общем и целом неизменно присутствуют во всех основных схемах исмаилитской иерархии, расположены ранги «проповедников» (*dā'īm*, мн. ч. *du'ām*), число и названия которых варьируются. Низшим обычно является ранг проповедника, «примыкающего» (*muḳāṣif*) к неисмаилитской

массе и занятого непосредственной пропагандой учения и вербовкой сторонников. Иногда в качестве низшего упоминают «откликнувшегося» (*muṣṭadḡīb*) — нового члена общины, только вступившего в ее ряды и принесшего клятву верности.

Ранги иерархии делят исмаилитский социум на четко разграниченные уровни, которые различаются степенью знакомства занимающих их членов общины с эзотерическими сторонами доктрины, а также соотношением прав и обязанностей, характерным для каждого уровня. Поэтому родовым названием рангов иерархии служит термин «граница» (*ḡadd*, мн. ч. *ḡudūd*): эти ранги «отграничивают» один уровень от другого. Аналогично «границами» именуются и уровни иерархии в метафизическом мире.

Своеобразные средневековые инструкции для исмаилитских проповедников предписывали им, ничем не выделяясь из среды «обычных» мусульман и постепенно завоевывая авторитет своими знаниями и благонравием, вести медленный и скрупулезный подбор тех, кто мог бы откликнуться на их «призыв». Тщательная конспирация требовала открывать неофитам истину постепенно, строго дозируя их знакомство с исмаилитскими учениями и иерархиями в соответствии с «готовностью» адептов. Более того, нижестоящие иерархии сами, видимо, обычно знали только одного из вышестоящих — своего непосредственного «начальника», тогда как другие лица составляли для них такую же тайну, как и для прочих мусульман. Степень знакомства с исмаилитской доктриной также зависела от занимаемого ранга; в том объеме, как она изложена в «Успокоении разума», ее знали немногие.

Поскольку «врата» обычно находились при имаме, высшими иерархами на местах фактически оказывались «худджи». Они и направляли деятельность исмаилитов в подчас весьма отдаленных уголках мира, а показателем их успеха служило число новообращенных, особенно среди высокопоставленных лиц. Все известные в то время обитаемые земли были поделены на двенадцать «областей» (*dḡazā'īf*). В этом делении, несомненно, отразился символизм дюжины, опираясь на который исмаилитские теоретики устанавливали отношение подобия между принципиальными структурами Универсума: макромиром, религиозной общиной и человеком. Как в макромире мы находим 12 созвездий Зодиака, управляющих судьбами людей, как в теле человека имеется 12 «выходов и отверстий», связывающих его с внешним миром, так же и территории, куда должен быть принесен религиозный призыв, распадаются на 12 областей: земли арабов, турок, варваров, чернокожих, абиссинцев, хазаров, китайцев, персов, ромейцев, земли

Инда и Синда и, наконец, земли славян¹. Во всех этих землях (по крайней мере, так считалось теоретически) исмаилитские проповедники постоянно занимались пропагандой своего учения.

Одним из таких проповедников был и Хамид ад-Дин аль-Кирмани. Он занимал весьма высокий ранг худджи в «обоих Ираках» (т. е. Ираке и Персии), а его жизнь и деятельность пришлась на период укрепления и расцвета фатимидского халифата, частично совпав со временем правления имама аль-Хакима. Как ни парадоксально, этим почти исчерпываются биографические данные, которыми мы располагаем о замечательном мыслителе. Даты его рождения и смерти неизвестны; можно лишь с уверенностью сказать, что скончался он после 1020 года. Завеса тайны, окутывавшая высокопоставленных исмаилитских деятелей, почти полностью скрыла от нас и фигуру аль-Кирмани. Повидимому, он был персом и происходил из иранского города Кирман. Его сочинения рисуют нам недюжинного теоретика, прекрасного систематизатора, тонкого философа, точно ведущего нить рассуждений и чувствительного к малейшим нюансам мысли. Уничтожающие характеристики, которые он раздает идейным противникам, открывают нам уверенного оратора и полемиста. Пожалуй, владение высоким искусством опровержения доводов оппонентов было скорее правилом, чем исключением в среде исмаилитских теоретиков. Но аль-Кирмани выпал случай применить это оружие не во внешних баталиях, а в борьбе внутри самой исмаилитской общины. Именно в его время возникла знаменитая «ересь», возглавленная ад-Дарази и положившая начало тому течению, которое привело к формированию современных друзей. Для борьбы с этой ересью, состоявшей в обожествлении правящего в то время имама аль-Хакима, аль-Кирмани был вызван в Каир в 1017 году в качестве одного из основных авторитетов в вопросах доктрины. Его «Наставляющий» трактат (*ар-Рисāля аль-вā'иза*) написан специально по этому поводу с целью опровергнуть теоретиков ересиарха и доказать, что имам, сколь ни велико его значение в исмаилитской иерархии, не более чем «раб Божий».

Перу аль-Кирмани принадлежит немало подобных трактатов. Среди них и полемические, и посвященные характерному исмаилитскому «больному вопросу» догматики — вопросу об имамате, и разрабатывающие те или иные философские проблемы. Однако в полной мере его взгляды нашли отражение в «Успокоении разума». Это произведение является итогом всей творческой деятель-

¹ Такое деление фигурирует наиболее часто, хотя это и не единственный вариант разделения обитаемой земли на «области».

ности автора, — во всяком случае, дата его создания, которую упоминает сам аль-Кирмани (гл. I, п. 2) — 411 год хиджры, или 1020/21 год н. э., — последняя из достоверно известных нам хронологических вех его жизни.

Название труда весьма информативно, а структура его символична. Цель книги — прояснить и предугадать путь, который предстоит пройти несовершенному человеческому разуму, дабы достичь того же совершенства, что отличает первоначально существо — Первый Разум и проявляется в вечном «блаженстве и успокоении» (*рāха*). Необходимое для этого знание собрано воедино в данном сочинении, которое автор уподобляет совершенному граду. Внутреннее деление его обеспечивается «стенами» (*сўр*), в которых пробиты «проходы» (*машра'*); наиболее удачно передающими эти образы мне показались понятия «квартал» и «улица».

Символизм семеричного деления (семь «кварталов» града знания) более чем традиционен: семь дней недели, семь небес, семь планет, семь «климатических зон» земли, семь «составных частей» человека (волосы, кожа, мясо, кровь, кости, жилы, мозг), семь головных отверстий; наконец, собственно исмаилитская параллель с семью «большими циклами» человеческой истории (от Адама до Судного дня) и их семью «предержателями», «глаголящими», которые их открывают. Это Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед, а также будущий иерарх, которому предстоит прийти в мир в конце времен, дабы обуздать зло и вознаградить справедливость, предварив тем самым День Воскресения. Этот иерарх, «воздвигнутый» из исмаилитской среды, возвышается над людьми подобно могущественной скале и столь же неприступен. Он «воздвигнут» и в другом смысле: в смысле законченности и совершенства, исключаящих какой-либо изъян в его «строении». Поэтому словом «воздвигнутый» в моем переводе передан термин *аль-қā'им*, которым по-арабски обозначается эта центральная фигура исмаилитской иерархии.

Каждый «квартал» книги, в свою очередь, разбивается на семь частей — в соответствии как с количеством «малых небес», расположенных между большими небесными сферами, так и, что, видимо, не менее важно, с числом имамов в каждом из больших исторических циклов. Кроме того, исмаилиты считают, что «воздвигнутый» явится в мир после правления 56 имамов последнего цикла, в связи с чем общее число «улиц» книги составляет именно 56.

Однако вряд ли было бы правильным видеть в этом символизме не более чем банальное знаковое соответствие. Он призван

служить отражением, а также и выражением той глубокой истины мироустроения, которую без преувеличения можно назвать фундаментальной образующей картины Универсума, предстающей нашему взору в «Успокоении разума». Эта истина заключается в совершенном балансе (*тавазун*) и изоморфности (*мушйкаля*) абсолютно иерархизированных структур, вкупе составляющих сотворенный мир. Их взаимное соответствие и образует вселенскую гармонию, воплощая ту высшую премудрость, которая лежит в основании их создания, и свидетельствуя о непревзойденном совершенстве нашего мира, лучше которого ничто не может быть.

Принцип гармоничной иерархичности, пронизывающий мироздание, может быть прослежен на разных уровнях. Иными словами, выделение сбалансированных структур и подструктур зависит, помимо всего прочего, и от «зоркости взгляда» теоретика, и от того, что именно служит объектом его внимания. Познакомившись, даже поверхностно, с «Успокоением разума», легко убедиться, сколь изощренным подчас бывает такое вычленение. Не будем пытаться повторить здесь все повороты мысли аль-Кирмани, лишая читателя радости первого знакомства с этими оригинальными построениями; скажем лишь самое необходимое.

Таких основных структур можно выделить во всяком случае четыре: метафизический мир, «религиозная община»¹, физический мир, человек. Принципиально важно, что любая из этих структур позволяет узнать любую другую, если известны особые межструктурные «правила перевода», поскольку место, функции и сущность элементов каждой из находящихся в отношении подобия структур идентичны (естественно, с поправкой на упомянутый перевод).

Именно на это опирается тот метод познания, который сам Хамид ад-Дин аль-Кирмани выделяет в качестве оригинального достояния исмаилитских теоретиков (см. гл. IV, п. 5). Поскольку наиболее известна и явлена нам во всех деталях структура «религиозной общины», то именно по ней мы и узнаем все, что неизвестно нам в Универсуме. Этот метод именуется «уравновешиванием» (*мувазана*) и «нахождением соответствия» (*мутабакка*). Структура исмаилитской общины находится в гармоничном соответствии со

¹ Под «религиозной общиной», или «общиной истинной веры», аль-Кирмани понимает собственно исмаилитский социум. К сильным сторонам теории и практики исмаилизма трудно отнести идеиную, а то и политическую терпимость к инакомыслию (в чем это течение являет резкий контраст, скажем, суфизму): все прочие религиозные направления обычно квалифицируются как «неверие» и «бесовство».

всеми структурами Универсума (это, повторим, постулируемая предпосылка построения философской системы, а не искомый вывод), поэтому из знания о ней мы можем вывести любое необходимое знание,— хотя, скажем сразу, автор «Успокоения разума» оставляет нас в неведении относительно самого интересного — тех правил структурного перевода, которые дали бы возможность показать, как именно наполняется смыслом неизвестная нам структура, «уравновешивающая» известную. В этом, пожалуй, состоит коренной порок всех попыток построения знания методом структурных соответствий: они всегда смотрят назад, а не вперед, находя гармонию *a posteriori*, но начисто лишены способности предвидеть новое.

Этот недостаток, однако, превращается в своеобразное преимущество, если автор стремится к охвату и глобальной систематизации имеющегося знания, исходя из того, что оно принципиально полно и не будет существенно прирастать,— а именно эта посылка и определила, кажется, особый настрой «Успокоения разума». Вряд ли стоит в кратком введении пытаться отразить все аспекты рассуждений аль-Кирмани, соткавших нить его произведения. «Успокоение разума» и его автор заслуживают отдельного серьезного исследования, которое, будем надеяться, не слишком замедлит появиться. Здесь имеет смысл остановиться разве что на некоторых нюансах, вызывающих особый интерес. Как всякого оригинального мыслителя, Хамид ад-Дина аль-Кирмани отличает свой угол зрения и своя акцентировка даже традиционных проблем,— об этом и пойдет дальше речь.

Давно замечено, что понятие развития и прогресса как абсолютного движения становится возможным благодаря сформированному авраамическими религиями мировоззрению, которое, замыкая круг вечного пространственно-временного повторения, превращает его в конечный отрезок. Этот отрезок истории человечества, начало которому положено сотворением Адама, а конец ознаменован грядущим Судным днем, достаточно краток, хронологически маркирован (мы можем указать на нем отдельные даты) и потому обозрим в своей целостности. Благодаря понятиям *начала* и *конца* истории возникает и вопрос о ее *смысле*. Для чего человечеству предназначено пройти полный страданий путь, и только ли индивидуальным счастьем и блаженством ограничивается воздаяние, исчерпывающее в День Воскресения смысл истории для отдельного человека?

Вероятно, этот вопрос в немалой степени определил направленность мысли аль-Кирмани. Ответ на него предугадан в начале

книги, и все ее многосложные построения раскрывают и обосновывают его.

Начальное и конечное, первое и последнее, высшее и низшее... Этот ряд абсолютных противоположностей нетрудно продолжить. Добавим к нему хотя бы противопоставление «явного» (*ẓāhir*) и «скрытого» (*bāṭin*), которое, вообще достаточно характерное для средневековой мысли, достигает в исмаилизме особой напряженности. Противостоят друг другу «знание явного» и «знание скрытого»: явный для всех мир и каждая его часть открывают знающему (владеющему приемами толкования) свой скрытый смысл. Противостоят друг другу «явное поклонение» (*'ibāda ẓāhira*), или «поклонение деянием» (*'ibāda bi-ḥ-'amal*), и «скрытое поклонение» (*'ibāda bāṭina*), или «поклонение знанием» (*'ibāda bi-ḥ-'ilm*); первое представляет собой неукоснительное исполнение всех религиозных обрядов, второе — приобретение истинного знания о мире. Универсум легко систематизируется сеткой понятий, сотканной из противоположных категорий. Однако противопоставление, сколь бы резко оно ни звучало у аль-Кирмани и сколь самодовлеющими ни выглядели бы подчас противопоставляемые противоположности, отнюдь не превращается в дуализм.

Мы привыкли считать, что круг и отрезок являют собой во многом противоположные образы. Первый иллюстрирует бесконечность и совершенство, второй — упорядоченность конечного и его иерархию. На окружности все точки неотличимы одна от другой — на отрезке каждая обладает уникальным положением. Аль-Кирмани показывает, что это противопоставление не абсолютно. Отрезок, замкнутый в круг, — такова его формула совершенства. Здесь начало и конец встречаются, не сливаясь, совпадают, не исчезая друг в друге, и отрезок, превратившись тем самым в круг, не перестает быть отрезком прямой. Этот образ применим к различным уровням бытия. Совершенство как завершенность и законченность (*tamām, tamāmīya*), достигаемые благодаря замкнутой на себя иерархии, — таково его содержание. Если обычная иерархическая структура имеет вид пирамиды, в которой основание максимально удалено от вершины, то в нашем случае полюса иерархии встречаются, переставая тем самым быть противоположными и приводя кажущийся дуализм к действительному монизму.

Таков великий цикл человеческой истории, которая завершится тем, что души праведников, слившись воедино, образуют в метафизическом мире особую сущность — полное подобие Первого Разума. Первоначально и первому существу окажется таким об-

разом подобной последняя сущность в цепи сотворенных и претерпевающих превращения, несовершенных существ, преодолевая тем самым несовершенство, исполняя и завершая иерархию и замыкая отрезок истории в круг. Конечная точка этого круга — «совокупная форма», как выражается аль-Кирмани, образованная праведным человечеством, — столь же совершенна и столь же вечна, как и начальная, но лишь с одним отличием — эти качества приобретены ею после прохождения всего круга иерархии, а не присущи, как первой, изначально. Заметим, что исторический процесс приобретает таким образом важнейшее космическое значение, играя существенную роль в обеспечении полноты всех онтологических структур Универсума. Только с его завершением исполняется и круг бытия, и мироздание обретает устойчивость совершенства и нерушимость вечной гармонии.

Таковы же и меньшие циклы (их число, как уже говорилось, семь), «вложенные» в больший цикл: в каждом из этих циклов «глаголящий» приносит свой Закон, «исток» становится началом семеричной цепи имамов, распространяющих и осуществляющих его, пока последний в данном цикле имам не объявит его завершение в связи с приходом следующего «глаголящего»: начало и конец циклов совпадают. Стоит отметить, что исмаилитские исторические конструкции выдержаны как бы в соответствии с концепцией «золотого века»: чем дальше от начала времен, тем короче и хуже жизнь людей и тем большее влияние приобретает в мире зло. Апогей «разгула бесов» придется на самый последний отрезок истории: «времена» нисходят до своей низшей (иерархически и аксиологически) точки как раз перед тем, как дойти до наивысшей и замкнуть цикл истории.

Понятие иерархического цикла наполняет историю величайшей осмысленностью. Только совокупно человечество способно достичь высшего счастья (хотя каждый и должен приложить свою индивидуальную силу), и только благодаря этому подходу к концу процесс творения, начатый сотворением Первого Разума.

Доминирование идеи кругового свершения объясняет и многие нюансы терминологии аль-Кирмани, и сформировавшую ее образность. Скажем, термин *ixāta* служил (наряду с другими) обозначением процесса познания у многих средневековых арабских философов (это значение в языке сохранилось и поныне), однако частотность его употребления у аль-Кирмани значительно превышает среднюю. И не случайно: это слово означает буквально «объятие», идеально соответствуя модели кругового свершения: совершенно то знание, которое охватывает и обнимает все позна-

ваемое. Даже сам терминологический переход «объятие → познание» в тексте «Успокоения разума» еще столь свеж и гибок, что часто бывает трудно решить, каким из двух русских слов лучше передать арабское *ихъта* — чаще всего релеванты оказываются оба эти значения. «Обнимаемые» (познаваемые) формы сущего запечатлеваются (*таъавур*) в душе человека, который тем самым вбирает в себя все познанные («охваченные» и «объятые» его душой) вещи.

Все, что доступно такому «обнимающему познанию», располагается между началом и концом единого бытийно-исторического цикла, или, что то же самое, между первой и второй предельными точками отрезка, этот цикл образовавшего. Благодаря отождествлению круга и отрезка, достигаемому в понятии цикла, отождествляются и понятия «начальный» — «первый», «второй» — «конечный». «Второе», противопоставленное «первому», у аль-Кирмани означает состояние конечного совершенства, достигнутое после прохождения полного иерархически организованного круга превращений от начального состояния, которое, впрочем, также является совершенным — но в своих собственных пределах. Таковы, например, первый и второй предел, первое и второе совершенство, первое и второе воскрешение, первое и второе знание и пр. Наконец, идея кругового совершенства лежит, на мой взгляд, и в основании той универсалистской интуиции, которая отличала и до сегодняшнего дня отличает мировоззрение исмаилитских теоретиков: совершенный исмаилитский социум (при таком понимании совершенства) не может не включать в себя все сколько-нибудь значимое в человеческой истории и культуре. Неудивительно поэтому, что исмаилитский «призыв» считается древним как мир, название своей общины исмаилиты возводят к Исмаилу — сыну Авраама, а в число ее приверженцев включают — если для этого есть хоть малейшее теоретическое основание — всех значительных мыслителей, не имевших к исмаилизму реального отношения.

Конечно, сказанное отнюдь не исчерпывает интеллектуального богатства представляемой книги. Вместе с тем идея иерархического кругового совершенства, которое гармонизирует изоморфные структуры мироздания, представляется мне задающей движущий импульс перу автора. Аль-Кирмани разрабатывает ее, опираясь на наследие античной мысли (неоплатонизм и аристотелизм), составившее основу арабского перипатетизма и послужившее «строительным материалом» для теоретиков исмаилизма. Гораздо меньше, в качестве отдельных штрихов присутствующую

мотивы суфизма — там, где речь идет о «смятении» (*хайфа*) разума, желающего достичь знания о Боге, или «томлении» и «стремлении» сущего друг к другу, — и ишракизма — в образах внезапного «озарения» (*ишракъ*) души светом знания или уподоблении эманации Первого Разума свету, истекающему от Солнца. Эти заимствования, однако, не более чем элементы оригинальной философской системы, претворившей их в подлинно органическом синтезе.

Литература по исмаилизму относительно невелика. Как уже говорилось, творчество Хамид ад-Дина аль-Кирмани еще не стало объектом пристального изучения. Из произведений арабских и персидских авторов, имеющих близкое или непосредственное отношение к исмаилизму, на русский язык переведено совсем немного: Братья чистоты. Фрагменты из посланий. — Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв. М., 1961; Насир-и Хусрау. Сафар-намэ (Книга путешествия из Персии в Египет и обратно). М.—Л., 1933. Среди исследований по исмаилитской философии и истории: Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959; Духудоев Х. Философия крестьянского бунта. Душанбе, 1987; Закуев А. К. Философия Братев чистоты. Баку, 1961; Семёнова Л. А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974; Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII вв. М., 1978. Читатель, владеющий арабским языком, может ознакомиться с работами современного сирийского исследователя исмаилизма, опубликовавшего немало средневековых исмаилитских рукописей (в том числе и «Успокоение разума»): Галёб М. А'лям аль-исма'илийя (Выдающиеся деятели исмаилизма). Бейрут, 1964; Галёб М. Та'рих ад-да'ва аль-исма'илийя (История исмаилитского призыва). Бейрут, 1979. Среди наиболее значительных работ на западных языках можно выделить следующие: Dodge B. Aspects of the Fatimid Philosophy // Muslim World, 1960, vol. 50, № 3, Hartford; Ivanow W. A Guide to Ismaili Literature. L. 1933; Ivanow W. The Rise of the Fatimids. Ismaili Traditions Concerning the Rise of the Fatimids. Oxf., 1942; Ivanow W. Brief Survey of the Evolution of Ismailism. Leiden, 1952; Ivanow W. Ismaili Literature. A Bibliographical Survey. Tehran, 1963; Kais M. Firro. A History of the Druzes. Leiden, 1992; Lewis B. The Origins of Ismailism. A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate. Cambridge, 1940; Vaticiotis P. J. The

Fatimid Theory of State. Lahore, 1957; Walker P. E. Eternal Cosmos and the Vomb of History: Time in Early Ismaili Thought.— International Journal of Middle East Studies. 1978, vol. 9, № 3. Отдельно отметим два обобщающих исследования, появившихся в последние годы: Daftary F. The Isma'ilis: Their History and Doctrines. Cambridge, 1990; Тамир 'А. Та'рих аль-исма'йлийя: ад-да'ва ва-ль-'ақйда. Лондон — Кипр, 1991.

Настоящий перевод выполнен по изданию: аль-Кирмани Хамид ад-Дин. Рахат аль-'акль. Дар аль-андалус. Бейрут, 1983.

* * *

Мне остается лишь исполнить приятный долг и выразить благодарность всем, кто словом и участием сделал возможным появление этой работы. Особая признательность — В. С. Сегалю, моему наставнику и другу, и М. Т. Степанянц, чей добрый совет никогда не запаздывал. Я также рад возможности поблагодарить Е. Н. Колесова и Л. А. Колесову, которые оказали самую существенную и непосредственную помощь в подготовке комментариев к тексту по астрологической тематике.

А. Смирнов

